

НИКТО НЕ ОСТАНЕТСЯ РАВНОДУШНЫМ

БЫВАЕТ так: раздвигается, волоча тяжёлый шлейф золотой бахромы, алый бархатный занавес, и зрители замрут от сладкого восторга при виде стройных точёных арок, за которыми плещутся в лунном свете серебристые волны. Таких декораций никогда не сделает главный художник новосибирского театра «Красный факел» Василий Шапорин. Он в другом видит назначение театра, он иначе понимает природу драматических столкновений и место художника в сценическом искусстве. Сладкая идиллическая красота, рассудочная успокоенность, статическая уравновешенность — все это абсолютно чуждо Шапорину, с творчеством которого москвичи недавно познакомились на его персональной выставке в Центральном Доме актера.

Одиннадцать лет тому назад В. Ю. Шапорин переехал из Москвы в Новосибирск и связал свою судьбу с «Красным факелом». Пожалуй, из всех действующих ныне художников театра Шапорин — самый верный последователь В. В. Дмитриева, этого непревзойденного мастера психологической декорации, учеником которого он считает себя по праву.

Шапорина роднит с Дмитриевым не только смелое режиссерское толкование произведения, не только понимание декорации как одного из действующих лиц пьесы, но и то, что и для Шапорина живопись также является главным средством художника в театре. Именно при помощи живописи Шапорин неизменно раздвигает рамки действия и сообщает спектаклю идейную глубину и философское обобщение. Отнюдь не пренебрегая скупыми, точно отобранными элементами быта, Шапорин стремится выйти за его пределы и найти укрупненный, порой до огромного символа,

поэтический образ произведения. Он любит ошеломляющую остроту контрастов, головокружительную резкость масштабов.

Так, в первой картине «Кремлевских курантов» над крохотной Иверской часовней, над серой чешуей булыжной мостовой нависла грозная фигура красноармейца с известного плаката времен гражданской войны «А ты записался добровольцем?». И это не школярское заимствование, а точно найденный революционный образ времени.

Шапорину близка драматургия обнаженных, часто трагических кон-

фликтов, а если, по его мнению, столкновение несколько приглушено, то он не жалеет сил, чтобы его укрупнить и обострить. К числу самых серьезных и впечатляющих работ, показанных на выставке, следует отнести эскизы к «Нашествию» Леониды Леонова с превращенными в виселицы, искалеченными, заломленными к сумрачному тревожному небу остовами деревьев, как бы вызывающих к отмщению. Очень удался эскиз к «Бане», метко передающий гиперболичность сатиры Маяковского и вместе с тем весьма изобретательно решающий образ машины времени, которая стартует с фронта на Большого театра. Интересны эскизы, связанные с постановками пьес Вишневского и Маршана, Погодина и Паустовского, Штейна и Салынского и многих других советских драматургов. Но о Шапорине нельзя судить, не познакомившись с его работами над русской классикой.

Судя по выставке, его не мают плавное течение пьес Островского, лирическая описательность Тургенева или же глубинное движение чеховских характеров, ему гораздо ближе трагическая глубина персонажей Достоевского, душевная смятенность Федя Протасова, образы родоначальника трагифарса Гоголя. В этом можно убедиться, разглядывая, например, серию эскизов к спектаклям «Село Степанчиково» и «Живой труп».

Работы Шапорина имеют, по моему, одно особое свойство — они могут нравиться и могут сбивать с толку, могут вызвать восхищение и ошеломить, но я уверена, что никто из посетивших выставку не останется равнодушным к бьющей через край образной силе художника, к его буйному темпераменту живописца, к его неукротимому воображению мечтателя, словом, ко всему тому, что именуется талантом.

О. АЙЗЕНШТАТ

В. ШАПОРИН. Эскиз и декорации спектакля «Нашествие».

25 февраля 1966 г.

ЛИТЕРАТУРА РОССИИ
Г. МОСКВА